

В.И. Клисторин

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В КОМПАРАТИВНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ПРОЦЕССОВ
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.¹**

V.I. Klistorin

**INSTITUTIONAL PROBLEMS IN THE COMPARATIVE STUDY
OF THE INDUSTRIALIZATION PROCESSES IN RUSSIA
OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы сопоставления уровня и темпов экономического развития России в период индустриализации конца XIX – начала XX в. с ведущими странами мира. Выполненные ранее исследования в этой области отмечают догоняющий характер индустриализации в России, высокие темпы экономического роста и промышленного производства, зависимость страны от импорта капитала и технологий. Учет институциональных условий развития России и особенностей ее территориально-административного устройства позволяет скорректировать ранее полученные выводы о достижениях в процессе индустриализации.

Ключевые слова: экономический рост, догоняющее развитие, империя, индустриализация, урбанизация, модернизация.

Оценка процессов индустриализации в конце XIX – начале XX в.

Для понимания социально-экономических процессов и преобразований в отдельной стране чрезвычайно полезен компаративный (сравнительный) подход. В рамках позитивистского направления экономических исследований строятся модели, позволяющие выявить количественные соотношения различных макроэкономи-

¹ Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН. базового проекта плана НИР ИЭОПП СО РАН 5.6.3.2. (0260-2021-0006) «Региональное и муниципальное стратегическое планирование и управление в контексте модернизации государственной региональной политики и развития цифровой экономики».

ческих параметров исследуемой системы, оценить их динамику и выявить факторы, влияющие на темпы роста экономики в целом и ее основных секторов. Что касается сравнительного подхода, то он позволяет выявить и оценить роль качественных характеристик социально-экономических систем, таких как институциональное устройство, качество политической системы, влияние этноконфессиональных и культурных факторов экономического развития. Самое главное, этот подход позволяет ответить на такие важные вопросы, как устойчивость и долгосрочные последствия экономического развития и роста.

При проведении компаративных исследований возникают и специфические проблемы, а именно: выбор базы для сравнения, выбор основных индикаторов и, самое главное, сопоставимость данных по отдельным странам. Последнее обстоятельство включает как качество исходных статистических данных, так и то, что действующие институты могут приводить к несопоставимости понятий и соответствующих измерителей.

Все вышесказанное относится и к проблеме оценки отдельных периодов индустриализации в Российской империи и СССР. Научная литература, посвященная этой проблеме, поистине огромна. Во-первых, все исследователи сходятся в том, что Россия вступила в эпоху индустриализации гораздо позже, чем многие страны Западной Европы, и в силу этого экономическое развитие страны носило догоняющий характер. Во-вторых, темпы экономического роста экономики в целом и промышленности в частности были выше, чем в большинстве стран мира. В-третьих, к началу Первой мировой войны индустриализация России была не завершена, а последующая гражданская война в значительной мере разрушила имевшийся промышленный и инфраструктурный потенциал. На этом консенсус заканчивается и начинаются разногласия, и споры продолжаются до сих пор. В частности, делается вывод о том, что сталинская индустриализация была неизбежна, хотя экстремальные методы ее проведения не всегда оправданы. Другая точка зрения состоит в том, что возвращение к дореволюционной модели индустриализации, которая частично реализована в 1920-х гг., было бы более продуктивно. Это возвращает нас к проблеме качества институтов в процессе индустриализации.

Хорошо изучены институциональные преобразования в дореволюционной России, которые привели к ускорению индустриализа-

ции и переходу экономики страны от мальтузианской к современной модели экономического роста, основанной на внедрении новых технологий и повышении качества рабочей силы, росте человеческого капитала. К их числу относится развитие науки и технологий внутри страны, распространение и качественное совершенствование системы образования, распространение и расширение функций местного самоуправления и др. Положительно оцениваются результаты экономической политики С.Ю. Витте: введение «золотого стандарта» национальной валюты с одновременной девальвацией рубля, таможенная и тарифная политика, поощрение притока иностранного капитала и технологий при поддержке отечественного предпринимательства и многое другое.

С другой стороны, существовали институты, препятствующие ускоренному экономическому росту и модернизации. Прежде всего следует выделить долгое сохранение крепостного права и его рудиментов вплоть до отмены выкупных платежей. Экономическое объяснение факторов закрепощения в России было предложено Е.Д. Домаром [Domar, 2008. С. 225–234], который показал, что «редким фактором производства была не земля, а труд, и владение крестьянами, а не землей, приносило доход землевладельческому классу» [Domar, 2008. Р. 226]. Современные исследования в целом подтверждают эту гипотезу и негативные последствия крепостного права [Markevich, 2018].

Препятствовало индустриализации и слабое развитие финансовой инфраструктуры (банков, бирж, страховых обществ и т.д.). В частности, признаками слабого развития коммерческого кредитования была высокая степень монополизации в этом секторе, с одной стороны, и широкое распространение кредитных кооперативов и товариществ, с другой. Кроме того, банки активно занимались небанковской деятельностью, тем, что В.И. Ленин назвал сращиванием промышленного и банковского капитала. При этом сохранялась большая роль государства в финансировании развития промышленности и транспорта как через Государственный банк Российской империи, так и напрямую из бюджета.

Кроме того, имело место долгое сохранение санкционирования государством учреждения акционерных компаний, в то время как большинство развитых стран перешли к явочному принципу их образования [Ключко, 2014]. Д.И. Менделеев обратил внимание на излишнюю регламентацию создания и работы промышленных

предприятий: «Сельскохозяйственная промышленность у нас свободна, ни горная, ни фабричная, ни заводская должной свободы не имеют»².

Хотя, по мнению большинства исследователей, например П. Грегори [Грегори, 2003], экономика России в рассматриваемый период была уже вполне рыночной, по критерию гибкости рынков труда и капитала Россия уступала США и многим европейским странам.

*Дополнительные проблемы сравнительного исследования
развития России и ведущих стран мира*

По объему ВВП Российская империя занимала третье место в мире, уступая только Британской империи и США в начале XX в. В 1913 г. основной отраслью экономики Российской империи все еще было сельское хозяйство, дававшее 55,7 % дохода. Несмотря на это, шел бурный рост промышленного производства. По объему промышленного производства Россия занимала четвертое место в мире, уступая США, Германии и Великобритании, обгоняя по этому показателю Францию, Австро-Венгрию, Японию и Италию. При этом Россия лидировала среди крупных стран по темпам роста промышленного производства. Кроме того, Россия была в числе лидеров по концентрации производства (доле крупных современных предприятий). Эти выводы подтверждаются данными табл. 1.

Таблица 1

ВВП ведущих стран мира, млрд долл. США в современных ценах

Страна	1900	1913	1913/1900, разы
США	475	835	1,76
Россия	205	330	1,61
Великобритания	260	315	1,21
Германия	215	310	1,44
Франция	175	215	1,23
Италия	85	130	1,53
Япония	75	102	1,36

ВВП стран мира. URL: <https://textarchive.ru/c-1020291.html>

² Менделеев Д.И. О возбуждении промышленного развития в России // Вестник промышленности. 1884. № 2. URL: http://dugward.ru/library/mendeleev/mendeleev_o_vozbujdenii_promyshlennogo.html (дата обращения: 20.05.2024).

Прежде всего, следует отметить, что оценки ВВП России менее надежны в сравнении с другими странами в силу более высокой доли аграрного сектора и сельского населения, поскольку качество статистических данных снижается при оценке теневого сектора экономики. Вместе с тем при оценке объемных показателей следует учитывать эффект масштабов, поскольку численность населения России была больше, чем в других странах. Кроме того, в табл. 1 указан ВВП метрополий, а не империй целиком, о чем пойдет речь ниже.

Что касается темпов роста ВВП и промышленного производства, то данные по Великобритании и, возможно, Франции относительно занижены, поскольку относятся к метрополиям, в то время как бурно развивавшиеся Канада, Австралия и Южная Африка и ряд колоний демонстрировали темпы роста, сравнимые с Россией.

При оценке темпов экономического роста и индустриализации следует особо остановиться на эффекте догоняющего развития, который состоит, во-первых, в эффекте низкой базы, а во-вторых, в потенциальной возможности привлекать новейшие технологии и управленческий опыт. Страны, накапливающие или импортирующие капитал и технологии, вынуждены, как отмечал А. Гершенкрон, больше внимания уделять инвестициям и одновременно улучшать локальные факторы. В первом Россия преуспела, а во втором значительно отставала. Он считал, что Россия в силу особенностей ее развития относится ко второму эшелону модернизации с характерной гиперболизированной ролью государства [Гершенкрон, 2015]. При этом целью российской власти в процессе модернизации А. Гершенкрон считал желание развивать прежде всего военную сферу.

По его мнению, для преодоления отсталости необходимо сильное государственное вмешательство для одновременного наращивания физического капитала и создания возможностей и стимулов для его эффективного использования.

Современные исследования догоняющего развития в различных странах подтвердили концепцию А. Гершенкрона о факторах и условиях этих процессов в «отсталых» странах, вставших на путь догоняющей индустриальной модернизации, и выявили роль государства в наращивании физического капитала. В гораздо меньшей степени это было сделано в отношении накопления человеческого капитала.

При оценке темпов роста экономики и ее отраслей нельзя не отметить того, что Россия в рассматриваемый период вступила во второй этап демографического перехода, сопровождающийся снижением смертности и сохранением высокой рождаемости, чему в значительной степени способствовало преобладание сельского населения.

Что касается накопления человеческого капитала и формирования деловой этики, то здесь следует отметить прежде всего роль государства и земства в развитии образования, здравоохранения и коммунального хозяйства при сравнительно небольшой роли частных инвестиций. Деловая этика формировалась с трудом и в значительной степени внутри национальных и конфессиональных сообществ. В работе «Европа в русском зеркале» А. Гершенкрон отмечал, что как у протестантов, так и у старообрядцев экономическая эффективность объяснялась не доктринальными особенностями, а корпоративной структурой сообществ и более высокой этикой отношений внутри них, предполагавшей профессиональную честность. Именно отсутствие в России разработанной цеховой этики А. Гершенкрон считал одним из ключевых факторов, тормозивших ее экономическое развитие.

Влияние административно-территориального устройства на оценку индустриального развития

В стандартной экономической теории, которую изучают в вузах и одновременно критикуют и подвергают сомнению, используется оговорка «при прочих равных условиях». Поэтому в аналитике и прогнозировании приходится обращать внимание на выполнение этого условия, которое часто нарушается в результате действий государства и под влиянием действующих институтов.

Оценки масштабов отставания России от передовых стран содержат немало лукавства. Для доказательства отсталости России от ведущих стран мира обычно приводятся данные подушевых объемов производства электроэнергии, металлов, плотности железных дорог, уровня урбанизации и грамотности населения и т.п. Но сравнивать Россию в целом с метрополиями других империй не совсем корректно, и вошедшие во все отечественные учебники истории статистические выкладки нужно воспринимать с осторожностью. Колонии Российской империи, в отличие от других стран, не были

заморскими территориями. Если же сопоставить Российскую империю с Британской, Французской и иными целиком, то сравнение по тем же показателям даст иные результаты (табл. 2). Проблема видится в том, что для Российской империи трудно выделить территорию метрополии.

Критериями отнесения территорий к колониям и зависимым странам, помимо административного и военно-политического статуса, следует признать демографический (территории заселения) и экономический (формирование экономики ресурсного типа).

Таблица 2

Крупнейшие империи мира в 1900 г., оценка*

Империя	Территория, млн кв. км	В том числе метрополия, млн кв. км	Население, млн чел.	В том числе метрополия, млн чел.	Доля территории метрополии, %	Доля численности населения, %
Британская	31,9	0,244	400,0	39,0	0,8	9,75
Российская	22,8	4,5	136,3	73,0	19,7	53,55
Французская	12,9	0,624	78,8	38,9	4,8	49,4
Германская	2,7	0,835	87,6	56,4	30,9	64,4
Голландская	4,8	0,042	48,0	5,1	8,8	10,6
Португальская	2,2	0,092	12,4	5,5	4,2	44,4
Бельгийская	2,4	0,031	13,4	6,7	1,3	50,0

* Составлено автором.

Неоднократно показано, что колонии рассматривались прежде всего как источник природных ресурсов и как рынки сбыта продукции метрополии. Поэтому структура экономики может служить важным показателем фактического статуса территории. Следует сразу оговориться, что понятия «колония», «империя» и т.п. в конце XIX в. не имели той негативной коннотации, которую приобрели в последующем с наступлением эпохи деколонизации.

Н.М. Ядринцев писал: «Всякая колонизация есть результат известных натурально-исторических и экономических потребностей мирового расселения, точно так же колония есть памятник народно-исторической творческой работы и колонизационных способностей данного народа. Сибирь по происхождению есть продукт самостоя-

тельного народного стремления и творчества; результат порыва русского народа к эмиграции, к переселениям, к стремлению создать новую жизнь в новой стране» [Ядринцев, 2000. С. 126]. В самом начале своей книги Н.М. Ядринцев отмечал: «Сибирь как колония будет представлять достаточный запас земель для избытка населения Европейской России» [Ядринцев, 2000. С. 6].

Применительно к Российской империи очевидно, что Царство Польское, Великое герцогство Финляндское, Хивинское ханство и Бухарский эмират, имевшие особый статус, не входили в состав метрополии. С точки зрения демографических процессов и структуры хозяйства можно исключить из состава метрополии Сибирь, среднеазиатские владения, Северный Кавказ, сравнительно недавно присоединенный к России, а также Закавказье, Бессарабию и значительную часть Причерноморья. Исходя из указанных критериев, из 60 губерний к колониям можно отнести около половины, а также все 20 областей.

Для России была характерна так называемая внутренняя колонизация. И.В. Разумовский писал: «Отметим, что абсолютно все территории, которые отечественные исследователи изучали как объект российской колонизации, уже входили в состав Российской империи. Этими территориями являлись: Сибирь, Средняя Азия, Дальний Восток, Кавказ, Польша, Прибалтика, Финляндия и Украина. Причем две последние территории отнести к статусу объектов внутренней колонизации можно с оговорками, а скорее всего и исключить» [Разумовский, 2015. С. 13].

С учетом этих обстоятельств территорию «колониальной» части Российской империи можно грубо определить в 18,6 млн кв. км или около 82 % общей территории страны, что повлияет на все показатели от плотности населения и обеспеченности транспортной инфраструктурой до подушевых объемов выпуска. Использование модели «центр – периферия» еще в большей степени может повлиять на сравнительные оценки экономического и индустриального развития России.

Такой подход позволит частично пересмотреть показатели: в старопромышленных регионах темпы роста производства были существенно ниже, чем в столицах и районах нового освоения. В качестве подтверждения можно сослаться на темпы роста численности городского населения. За исключением столиц Петербурга и Москвы, такие города, как Баку или Томск, росли значительно быстрее, чем Тула или Нижний Новгород [Тери, 1986. С. 7].

Процесс индустриализации сопровождался урбанизацией. Так, в Англии и Уэльсе доля городского населения в конце XIX в. достигла 70 %. Соотношение городского и сельского населения – важный показатель развития промышленности и сферы услуг, что характеризует переход к модели современного экономического роста (табл. 3).

Таблица 3

Доля городского населения в различных странах мира в 1800–1910 гг.

Страна	1800	1830	1850	1880	1900	1910
Россия	5,9	6,0	7,2	10,6	13,2	14,3
Великобритания	19,2	27,5	39,6	56,2	67,4	69,2
Германия	8,9	9,1	15,0	29,1	42,0	48,8
Франция	12,2	15,7	19,5	27,6	35,4	38,5
США	5,3	7,8	5,3	25,0	35,9	41,6
Канада	6,5	7,1	9,5	15,0	35,9	41,6

Доля городского населения в различных странах мира в 1800–1910 годах. URL: <https://andrew-vdd.livejournal.com/8950.html> (дата обращения: 20.05.2024).

Примечательно, что страны «внутренней колонизации» только в последней четверти XIX в. приблизились к уровню европейской урбанизации. Что касается России, то городской статус определялся не столько численностью населения, уровнем социально-экономического развития и отраслевой структурой занятости, сколько ролью в иерархии власти и наличием административных учреждений. В официальном перечне городов было около 200 населенных пунктов с численностью населения менее 5 тыс. чел. С другой стороны, не менее 600 поселений имели численность более 5 тыс. чел., а 30 из них – более 20 тыс. Но главная причина несопоставимости данных состояла в том, что в России статус города присваивался центральными властями, в то время как во многих других странах это происходило более децентрализованно и на основании менее жестких критериев.

Выводы

Сравнение уровней и темпов экономического развития России в период индустриализации в конце XIX – начале XX в. требует уточнения и переоценки с учетом институциональных особенностей

развития страны, ее географического положения и административно-территориального устройства.

При оценке итогов индустриализации России необходимо учитывать ее догоняющий характер и роль государства в индустриальном развитии страны, которая была более высокой по сравнению с другими странами. Это отчасти компенсировало дефекты институционального развития. Кроме того, следует учитывать политику унификации в региональном развитии и особенности отечественной статистики.

Литература

Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Дело, 2015. 535 с.

Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв.). Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003. 256 с.

Ключко В.Н. Особенности становления и развития акционерных компаний в России: дореволюционный и советский период // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2014. № 4. С. 8–43.

Разумовский И.В. Что такое «внутренняя колонизация»? Историографический аспект проблемы // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Исторические науки. 2015. № 2 (18). С. 8–18.

Тери Э. Россия в 1914 году. Экономический обзор. Париж: YMCA-PRESS, 1986. 149 с.

Ядринцев Н.М. Соч. Т. 1. Сибирь как колония. Современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. Тюмень, 2000. 471 с. (факсимильное издание 1882 г.). URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-648/> (дата обращения: 20.05.2024).

Domar E.D. Capitalism, socialism, and serfdom. Cambridge University Press, 2008. 320 p.

Markevich A., Zhuravskaya E. Economic Effects of the Abolition of Serfdom: Evidence from the Russian Empire // American Economic Review. 2018. № 108. P. 1074–1117.